

Н. И. Наумов

Святое озеро

(Рассказ)

Русские повести XIX века 70-90-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1957

[OCR Бычков М. Н.](#)

Спросите в настоящее время у крестьян Х--ой волости, "каково поживает доброжелатель их, Петр Никитич Болдырев?", и вы услышите, как при одном его имени из уст каждого посыплется потоки брани, проклятий и поздних сетований на опрометчивую доверчивость. А между тем было время, когда, говоря о Петре Никитиче, выражались не иначе, как "наш Петр Никитич", причем слово "наш" выражало любовь к этому человеку. Нужно сказать правду: безупречная честность Петра Никитича при исполнении обязанности волостного писаря, доброта и внимание к нуждам крестьян вполне оправдывали привязанность их к нему. Получая от общества ограниченное содержание, он с утра и до ночи работал в волости, не зная ни отдыха, ни праздников. В течение всей его службы не было примера, чтоб он отказал кому-нибудь в деловом совете, затянул бы выдачу паспорта, замедлил бы с корыстной целью исполнением формальностей, с какими сопряжена выдача хлеба из запасных сельских магазинов, подстрекал бы когда-нибудь волостных начальников к крутым мерам при сборе податей и тому подобное. Напротив, со времени определения его в писари он значительно сократил общественные расходы на содержание волости и при этом не заикнулся об увеличении своего жалованья, хотя бы для того, чтобы иметь возможность нанять себе помощника. Волость считалась богатейшею в Т--ом округе. Бывшие до Петра Никитича писари, сменяясь с должности, вывозили десятками возов приобретенное, покупали дома, иные заводили торговлю, а Петр Никитич, приехав на должность в нагольном бараньем тулупе и нанковом сюртуке, за все время службы не завел себе даже новой шубы, а только покрыл старую дешевым сукном, известным в продаже под именем гвардейского.

Впрочем, и в то время люди, знавшие прошлое Петра Никитича, скептически покачивали головами. Петр Никитич был ссыльнопоселенец и в первое время по прибытии в Сибирь выдавал себя за "политического", но когда из статейного списка обнаружилось, что, служа в России в одном из почтовых учреждений, он был предан суду за растрату денежной корреспонденции и подделку фальшивых документов, то он скромно переименовался в несчастного, гонимого людьми и судьбою человека. Несмотря на изворотливый ум, Петру Никитичу в первые годы нелегко жилось в Сибири: по крайней мере, про первоначальную жизнь его в стране изгнания ходило много легенд. Говорили, что, служа на золотых приисках в качестве материального, он уличен был в крупном воровстве и при смене с этой должности лишился прекрасных каштановых волос на голове и пышных бакенбард, придававших его наружности сановитый вид. Рассказывали даже, что до поступления его в волостные писари, он, ради насущного пропитания, занимался сочинением акростихов, которые подносил в дни именин богатым купцам и мещанам, получая за то от кого полтинник и кусок пирога, от кого рюмку водки и гривенник, и при этом дополняли, что каждый раз после поднесения акростиха из передней именинника, вместе с Петром Никитичем, исчезала какая-нибудь шаль, дамская муфта или ценная бобровая шапка. Но о прошлом его заговорили уже тогда, когда богатство Петра Никитича породило во многих зависть к нему; во время же службы его писарем об этом знали немногие.

Жизнь Петр Никитич вел трезвую, уединенную. Он не только избегал общения с людьми, но как будто боялся их. Отчуждение его не казалось, однакож, странным, ввиду той массы занятий, какая лежала исключительно на нем. С начальством, приезжавшим иногда в волость для ревизии, он вел себя почтительно, но без низкопоклонства и угодничества, не выписывал к приезду его дорогих вин и закусок, не устраивал для него обедов, завтраков и таинственных rendez-vous {Любовных свиданий (*франц.*)} с деревенскими кокетками, как это делают обыкновенно волостные писари. Всматриваясь в такую примерно-нравственную жизнь Петра Никитича, крестьяне одного только не могли понять: что связывало его самой искренней, повидимому, дружбой с т--м мещанином Харитоном Игнатьевичем Плаксиным, который нередко посещал его и гостил у него по несколько дней. Харитона Игнатьевича знала вся